

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ СУДЕБНОГО АВТОРОВЕДЕНИЯ

И.Н. Мурса

*Алтайская лаборатория судебной экспертизы Минюста РФ
пр. Ленина, 151 Г, 656011, Барнаул, Россия. E-mail: 10spore@mail.ru*

Статья посвящена использованию возможностей речевого портретирования при производстве судебной автороведческой экспертизы. Иллюстративным примером служат речевые портреты носителей русского просторечия разного возраста и пола, проживающих в одном языковом коллективе – селе Камышенка Алтайского края. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при речевой идентификации в рамках судебного речеведения, поскольку описанные лексико-грамматические особенности речи каждого респондента образуют уникальные комбинации, позволяющие провести процедуру идентификации. Также устанавливается характер нарративных стратегий в структуре речевого портрета, являющихся не менее, а иногда даже более информативной чертой речевого портрета языковой личности, чем лексико-грамматические особенности его речи.

Ключевые слова: речевой портрет, просторечие, нарративные стратегии, судебное автороведение.

Speech Portrait of Personality as a Tool of Forensic Authorship Attribution

I.N. Mursa

*Altai Forensic Laboratory of the Ministry of Justice of the Russian Federation
151 G Lenin St., 656011, Barnaul, Russia. E-mail: 10spore@mail.ru*

The article discusses application of speech portrait potential in forensic authorship attribution. An illustrative example is the speech portraits of Russian vernacular native speakers of different ages and genders living in the same language community - the village of Kamysheinka, Altai Krai. The results of the study can be used for speech identification within the framework forensic authorship attribution, since the described lexical and grammatical features of the speech of each respondent form unique combinations that allow for the identification procedure. The nature of the narrative strategies in the structure of the speech portrait is also established, which are no less, if sometimes even a more informative feature of the speech portrait of a linguistic persona than the lexical and grammatical features of the speech.

Key words: speech portrait, vernacular, narrative strategies, forensic authorship attribution.

Антропоцентрическая ориентация современной лингвистики определила ее пристальное внимание к языковой личности, в частности к описанию речевых портретов. Появление термина речевой портрет связывают с именем выдающегося отечественного ученого Михаила Викторовича Панова, выдвинувшего в середине 60-х годов XX века идею фонетического портрета [Панов 1990]. Позднее эта идея в расширенной трактовке вошла в круг научных интересов многих исследователей [Винокур 1989; Ерофеева 1990; Земская 1990; Китайгородская, Розанова 1995; Николаева 1991].

По мнению Т.П. Тарасенко, речевой портрет формируется как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования» [Тарасенко 2007: 20]. Автор отмечает, что в речевом портрете находят отражение возрастные, гендерные, психологические, социальные, этнокультурные, лингвистические аспекты личности. Г.Г. Матвеева определяет речевой портрет как «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» [Матвеева 1993: 87]. Одним из свойств речевого портрета исследовательница выделяет фиксирование вербального поведения, доведение его до автоматизма в случае повторения определенных речевых ситуаций. Таким образом, перечисленные авторы определяют понятие речевого портрета как совокупность речевых навыков, тем самым декларируя, что «речевой портрет личности» – понятие более узкое, чем «языковая личность». Основное внимание в речевом портрете отдельной личности уделяется характерным и наиболее ярким особенностям речи человека. Поэтому чаще в качестве референта избирается личность творческая, элитарная, избирающая нестандартные языковые реализации. Так, объектом исследований В.Я. Парсамовой [Парсамова 2004] стал М.Ю. Лотман, а Р.Ф. Пауфошима [Пауфошима 1989] – А.А. Реформатский. Помимо этого понятие речевого портрета позволяет выявить характерные особенности речи той или иной социальной группы. В работе С.В. Мамаевой [Мамаева 2007] уделяется внимание исследованию речевого портрета коллективной языковой личности современного подростка с целью создания структуры языковой личности и постройки модели ее эволюции. При этом коллективная языковая личность выступает как «своего рода общая формула для постановки индивидуальных случаев, за каждым из которых стоит индивидуальная языковая личность» [Богин 1984: 312]. Это обстоятельство дает возможность судить о речевых характеристиках людей определенного круга, объединенных общностью социального положения, возраста, сферой профессиональных интересов.

В выборе методов создания речевых портретов исследователи достаточно единодушны. Предметом их внимания становится преимущественно лексикон человека или социальной группы (понимаемый широко и включающий используемую фразеологию, устойчивые выражения и ситуативные клише). Так, М.Н. Гордеева, предлагая следующую схему описания речевого портрета, обращает внимание на особенности языковых единиц разных уровней, особенности речевого поведения (этикетные формулы, речевые клише, прецедентные феномены, языковая игра), лингвокультурологические особенности (отражение культуры в языке), рефлексию персонажей и метаязыковые пометы [Гордеева 2008]. А.С. Гафарова при определении речевого портрета тоже делает акцент на лексико-грамматической специфике речи: «речевой портрет представляет собой совокупность лексических, грамматических, фонетических особенностей речевого поведения персонажа, создающих его косвенную социолектическую и идиолектическую характеристику» [Гафарова 2006: 19]. Интересны работы Т.М. Николаевой, использующей метод социолингвистического портретирования путем «фиксации ярких диагностирующих пятен» [Николаева 1991: 75], то есть социально маркированных языковых средств и особенностей речевого поведения.

Особое место в структуре речевого портрета как характеристики манеры речи занимают речевые стратегии и тактики, являющиеся яркой отличительной характеристикой человека говорящего, вершиной его речевых навыков. В силу различных обстоятельств и условий формирования личности, каждый человек приобретает индивидуальный коммуникативный опыт, выражающийся в неповторимом наборе речевых навыков, и использует этот набор в своей повседневной речевой практике. Помимо этого, в каждой конкретной речевой ситуации определенная личность ведет себя отлично от другой. И как следствие, это позволяет идентифицировать автора того или иного высказывания (шире – текста): «Дискурсивные особенности текста, его логические структуры, их правильность и ущербность, сложность и бедность и т. д. отображают особенности соответствующих навыков автора» [Вул 2007: 15].

Актуальность задачи наблюдения за речью представителей различных социальных слоев и описания речевых портретов носителей русского просторечия признается всеми исследователями. По мнению К.Ф. Седова, «повседневная речь является пространством для самораскрытия языковой личности» [Седов 1996: 3]. Л.А. Капаназде отмечает, что в последнее время особый исследовательский интерес представляет «ненормированная, социально ограниченная речь горожан, находящаяся за пределами литературного языка», то есть речь носителей просторечия [Капаназде 1984: 5]. Речевые портреты носителей городского просторечия получили отражение в работах разных авторов. Работы Е.В. Соломиной посвящены идиолексиону и стилевой дифференциации речи носителей современного просторечия. Как отмечает исследовательница, «языковая личность и речевой портрет носителей просторечия-2 на сегодняшний день почти не описаны» [Соломина 2013: 37]. С помощью аудиозаписей речи информанта Л.Л. 1959 г.р. Е.В. Соломина характеризует индивидуальный лексикон носителя просторечия-2. В.Д. Черняк создает речевой портрет городского просторечия-1 на примере отдельной личности (И.Н. Целиковой) и отмечает в речи информанта своеобразное соединение влияний диалектной среды и обиходного словаря горожан. Ключевым моментом в создании речевого портрета И.Н. Целиковой автор считает ее лексикон, так как именно он репрезентирует ассоциативно-вербальный и тезаурусный уровни языковой личности [Черняк 2003]. По мнению исследовательницы, изучение конкретных речевых портретов как «способа проникновения в национальную картину мира, пути к постижению национального характера» [Черняк 2003: 497] нуждается в продолжении.

В настоящем исследовании осуществляется сопоставительное описание носителей русского просторечия разного возраста и пола, проживающих в одном языковом коллективе – селе Камышенка Алтайского края. В ходе сравнительного анализа особенностей речи информантов было отмечено следующее.

В речи информанта № 1 (женщина 95-летнего возраста, уроженка и жительница села, не имеющая образования, пенсионерка) на каждом языковом уровне отмечены черты южно-русского диалекта. В области фонетики – сильное яканье, характеризующееся тем, что в 1-ом предупредительном слоге на месте гласных неверхнего подъема всегда выступает звук [а] (*/упал и л'ажыт'//*); γ – фрикативный (*/эта мат'та ўвар'ит'//*); сочетание согласных [хт] (*/кто уармошк' / кто б'лалайк'//*). К характерным особенностям морфологического уровня языка информанта можно отнести наличие [т'] в окончаниях глаголов 3-го л. ед. и мн. ч. (*/а ан'и уж идут' дамой//*); разрушение среднего рода (*/сав'ишан'йа там была// плат'й'у сам'и шыл'и//*) и др. В сфере синтаксиса – группа подлежащего следует за группой сказуемого: (*/да ты мн'э н'и нужнь// да ты мн'э н'и нужнь//*); частотное употребление указательных частиц *вот, это* в функции хезитации: [*патом тут я вот стала й'езд'ит' у б'иск// св'икров'йа дала эта паст'ел'у//вот и хад'ил у школу// а в'ит'а вот// ну вот и хад'ил'у// а пр'итс'идат'ел' эта калхозный уавар'ит'*]. К лексическим особенностям речи можно отнести активное использование диалектизмов и жаргона (*навернуть – ударить*).

Фонетико-грамматические черты речевого портрета информанта № 2 (мужчина 48 лет, родившийся и выросший в селе, имеющий среднее образование, по роду деятельности – рабочий в крестьянском хозяйстве) в целом повторяют предыдущий портрет. Кроме того, наблюдается общая небрежность и быстрый темп речи, вследствие чего отмечается редукция гласных (*чо, памойму*); чрезмерное упрощение групп согласных, неполное произношение звуков, слогов (*скока, щас, када, седня, тыщи, можа*). Для более экспрессивного выражения своих мыслей и чувств информант использует следующие средства: особые звукоподражательные приемы (*бумбум музыка/ ч'ик выкинул/ ч'ухч'ухч'ух*); частотное употребление слов-паразитов *вот, вота, ну*. В сфере лексических особенностей обнаружено использование разговорных слов (*поглядывать, поумней*), канцеляризмов (*начал трудовую деятельность*), нецензурных слов при нехватке словарного запаса для описания темы, которой говорящий слабо владеет: (*не нужна такая оруанизация стала/ упростили/ уэтовали/ всякая х*ня м*ня/*), жаргона (*дыбнуть – умереть, мялево – драка*). В области синтаксиса отмечено следующее: сложноподчиненные предложения отсутствуют; множество неполных предложений с отсутствующим подлежащим; отсутствие пауз хезитации; отсутствие прямой или косвенной речи; речь «рваная», глагольная; логические или смысловые связи между предикативными конструкциями вербально не выражены.

При анализе речи информанта № 3 (мужчина 20 лет, родившийся и проживающий в селе, имеющий среднее образование, недавно прошедший срочную службу в армии, по роду деятельности – безработный) встречаются лишь единичные случаи аканья, фрикативного γ (*уд'эн'ит'*), для образования возвратных глаголов используется полногласный постфикс –ся, как в речи диалектоносителя (*получалось, значитсь*). Эти малочисленные факты не позволяют нам классифицировать данного информанта как диалектоносителя, а вслед за этим и носителем просторечия-1. Вместо этого можно выделить особенности речи, в целом повторяющие портрет информанта № 2. Также в области лексики отмечено использование обценной лексики в качестве заменителей пауз и междометий (десемантизация), в качестве собственно ругательства употребляются пейоративы. Синтаксические особенности следующие: использование нецензурной лексики в функции хезитаций; рема тяготеет к началу предложения; бессюзная связь в сложноподчиненном предложении, подчинительные отношения не выражены; присутствуют специфические разговорные конструкции, а именно эллиптические конструкции (различные неполные предложения – без подлежащего, состоящие из одного предиката, и т.д.).

Таким образом, у всех трех информантов на фонетическом и морфологическом уровне прослеживаются диалектные черты южно-русского говора. Причем существует зависимость количества диалектных особенностей в речи от возраста респондента: чем старше информант, тем этих черт в его речи больше. В отношении молодого информанта стоит сказать, что в его речи нашли отражение наиболее сильные черты южного говора: аканье и «у» фрикативный.

При анализе лексического уровня обнаруживается влияние жаргонной страты русского языка. Помимо непосредственного использования жаргонных слов встречаются нарушения различных литературных норм: орфоэпических, норм сочетаемости и т.д. В речи информантов среднего и молодого возраста наблюдается речевая недостаточность. Главное влияние на лексикон оказывает род занятий и социальная сфера, в которой осуществляется коммуникативная деятельность.

В речевом портрете информанта старшего возраста отсутствуют синтаксические черты современной устной разговорной речи. У информанта молодого возраста просторечные особенности синтаксиса представлены наиболее ярко. Полагаем, что это наблюдение иллюстрирует принципиальное отличие просторечия-1 и просторечия-2. Просторечие-1 находится под сильным влиянием диалектов, проявляющих себя преимущественно в фонетике. Просторечие-2 наиболее яркие черты имеет в грамматической структуре предложения. В целом анализ показывает, что у всех трех информантов на низших уровнях языка наблюдаются черты просторечия-1, а на высших (лексическом и синтаксическом) черты просторечия-2.

Безусловно, речевые особенности, выделенные на фонетическом и лексико-грамматическом уровнях, образуют уникальные комбинации, по которым можно произвести процедуру идентификации. Тем не менее, эти признаки можно дополнить не менее существенными отличиями в речевом поведении, осуществив анализ избираемых стратегий повествования информантов.

Лингвистическое понимание нарративных стратегий встречаем в работе психолингвиста К.Ф. Седова «Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции», где в рамках дискурсивной деятельности (речевого поведения в трактовке нашего исследования) выделяется «две глобальные коммуникативные стратегии речевого поведения: репрезентативная, или изобразительная, и нарративная, или аналитическая» [Седов 2004: 35]. Репрезентативная стратегия построения дискурса нацелена на изображение неязыковых ситуаций в дискурсе. Характеризуется наименьшей степенью авторизации текста, отсутствием аналитизма и оценки. Нарративная стратегия – языковое отражение действительности с более высоким уровнем абстрагированности. Используется установка не на изображении ситуации языковыми средствами, а на передаче перекодированной информации об увиденном. Важными при описании речевого портрета носителей просторечия являются и два подтипа каждой из стратегий: репрезентативно-инклюзивный и репрезентативно-символический, с одной стороны, и объектно-аналитический и субъектно-аналитический – с другой.

Исследуемый материал является тематически однородным: все информанты ведут повествование о своей жизни, фактах своей биографии и используют преимущественно нарративную стратегию – описание и повествование (развитие события). При исследовании нарративных стратегий обращалось внимание на то, вокруг какой истории развивается повествование, последовательное оно или прерывистое, как выражается связь между компонентами, есть ли отступления от основной линии, каков их характер (эмоциональные, логические нарушения, попытка вести несколько повествовательных линий).

Информант № 1 использует объектно-аналитическую нарративную стратегию, предполагающую «информирование о реальных фактах таким образом, что точка зрения автора (слушателя) находится вне хронотопа рассказа, в будущем по отношению к времени повествования времени. Здесь имеет место не только передача некоторой информации, но и рефлексия по поводу изображаемой действительности, которая подается слушателю через призму таксономической обработки. Однако в этом способе построения текста не присутствует субъективная оценка от автора (говорящего)» [Седов 2004: 36]. Объектно-аналитическая нарративная стратегия повествования строится вокруг фигуры рассказчика, его биографии: детство, юность, семья, работа. Композиционное строение повествования обусловлено хронологией событий. Преимущественно описываются события и речь персонажей, сопровождающая событие. Рассказ не содержит отклонений от основной линии повествования. Речь эмоционально нейтральная. Собственные переживания, рефлексия по поводу события отсутствуют:

ну вот так мы вот и выжили/ужили// а тут я харанила и деда и матиця свикровь я харанила// чугун был тада пасуда// а йэти чашки/ как прадавали диривянныи брали// патом тут вот я стала ездить у Бииск//там начала выбирать/ там бальшыи тарелки// тарелак набрала/ ложык не была//у вайну же тада ничо не был//ни ложык/ ни соли/ никауо//

Однако автор использует элементы репрезентативно-символической стратегии, так как часто иллюстрирует определенные эпизоды своей жизни пересказом диалогов тех персонажей, о которых ведется речь в повествовании:

атец был пйанушка /он пил// и вот мама с им ни пашла// а пашль с нами// он там дралси/ и лупил// она уварить/ я ни пайду// я пайду к хведи//

В речи информанта № 2 прослеживается объектно-аналитическая нарративная стратегия: повествование безэмоционально, не содержит оценки, хронологично. Рассказ наполнен глаголами действия, линейен и конкретен. Отсутствует описание предметов, свойств, повествование строится вокруг фигуры рассказчика, содержит перечисление видов его деятельности. Однако в речи наблюдается попытка вести две повествовательные линии, поскольку рассказчик более подробно останавливается на одном из видов своей деятельности, включает в повествование описательный нарратив:

*нада напоить/ нада корму дать/ насыпать/ а летом че/ выунал на бууор/ тока поулядывай за ними/ и вовремя подоугнать к дайки/ фсе по времени/ эта коров/ лошади они поумней короф/ акэхофская лошадь/ усе объяснил/ и поперла н*уй/ патом у децкий сад пашол//*

Субъектно-аналитическая нарративная стратегия и репрезентативная стратегия в речи информанта № 2 не отражаются.

Информант № 3 является яркой иллюстрацией применения субъектно-аналитической нарративной стратегии, представляющей «не столько сами события, сколько субъективно-авторский комментарий к ним. Такой принцип построения речевого произведения обычно приводит к образованию в одном дискурсе двойной структуры – текст в тексте, (или текст о тексте). Это наиболее «прагматизированная» форма моделирования действительности, отражающая в своем строении особенности авторского субъективного начала и максимально учитывающая потенциал перцепции, то есть фактор адресованности речи» [Седов 2004: 37]. Рассказы изобилуют комментариями, по большей части ассоциативного и психологического характера. Доминанта рассказа – описательная, с акцентом на чувствах и переживаниях героев. Отступления от основной событийно-хронологической сюжетной линии значительные: хронологическая основа повествования подменяется ассоциативной. Это обуславливает прерывистость повествования, порой затрудняющую понимание изложения. Выражается преимущественно негативная оценка событий, для чего используется фигура иронии. Объекты, предметы, свойства предметов описанию не подвергаются:

*вот/ потом/ как кони носимся/ если скажут типа оот/ п*уйте до столовой и обратно там допустим бегите / мы конечно в кустах удентить спрячемся / в лесу/ вот мы щастливы побегать в шесть утра е*ть н*уй/ с вот такими вот глазами / кто после наряда только снимался бл*ь/ кто [чо] /н*уй бы эта зарядка нужна/ нам бы поспать// потом правда вот так вот раз приляжет на пенечек и спать// жизнь удалась// короче/ подбегаем//*

Сделанные наблюдения показывают, что выбор нарративных стратегий не зависит от типа речевой культуры говорящего, поскольку информанты относятся к одному и тому же типу речевой культуры. Выбор типа повествования обусловлен психо-эмоциональными и когнитивными факторами. Таким образом, характер нарратива является не менее, а иногда даже более информативной чертой речевого портрета языковой личности, чем лексико-грамматические особенности его речи. Полагаем, что это может быть использовано при речевой идентификации личности в рамках судебного автороведения. Для этого в перспективе необходимо составление алгоритма анализа дискурсивного поведения информанта, который облегчит работу исследователя по установлению уникальных черт исследуемой языковой личности.

Литература

- Богин Г.И. Концепция языковой личности: автореф. дис. д. филол. наук. М., 1982.
- Брокмейер И., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Вопросы философии. - 2000 - № 3. - С. 29-32.
- Винокур Т.Г. Речевой портрет современного человека / Человек в системе наук. М., 1989.
- Вул С.М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы: Методическое пособие. Харьков, 2007.
- Гафарова А.С. Речевой портрет: социолингвистические характеристики: автореф. дис. канд. филол. наук. Тверь, 2006.
- Гордеева М.Н. Речевой портрет и способы его описания / Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. №6 М., 2008. С. 89-101.
- Ерофеева Т.И. «Речевой портрет» говорящего / Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990. С. 90-103.
- Земская Е.А. Речевой портрет ребенка (К вопросу о системности некодифицированных сфер устной речи) / Язык: система и подсистемы: К 70-летию М. В. Панова М., 1990. С. 241-260.
- Капанадзе Л.А. Современное городское просторечие и литературный язык / Городское просторечие. Проблемы изучения. М., 1984. С. 5-12.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995.
- Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Мамаева С.В. Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5-7-х классов : автореф. дис. канд. филол. наук. Кемерово, 2007.
- Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: автореф. дис. д-ра филол. наук. СПб., 1993.
- Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Часть 2. М., 1991. С. 73-75.
- Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. М., 1990.
- Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю.М. Лотмана): автореф. дис. канд. филол. наук. Саратов, 2004.
- Пауфощима Р.Ф. О произносительной манере А. А. Реформатского / Язык и личность. М., 1989.
- Сапогов В.А. Все нарисованное было в девятисотые годы» / О Игоре Северяnine. Череповец, 1987. С. 31-33.
- Седов К.Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) / Вопросы стилистики. Язык и человек. Саратов 1996. Вып.26. С. 8-14.
- Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004.
- Соломина Е.В. Об особенностях идиолексикона носителя городского просторечия / Вестник Томского государственного университета. - 2013. - № 374. - С. 37-41.
- Тарасенко Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф. дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2007.
- Тюпа В.И. Нарративная стратегия романа / Новый филологический вестник. - 2011. - № 3. - С. 9.
- Черняк В.Д. Речевой портрет носителя просторечия / Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 497-513.

References

- Bogin, G.I. (1982) The concept of linguistic personality. Moscow (in Russian).
- Brockmeyer I., Harre, R. (2000) Narrative: problems and promises of one alternative paradigm. Problems of Philosophy, 3, 29-32 (in Russian).
- Chernyak, V.D. (2003) Speech portrait of the native speaker. Modern Russian. Social and functional differentiation. Moscow, 497-513 (in Russian).
- Erofeeva, T. I. (1990) "Speech portrait" of the speaker. Linguistic appearance of the Ural city. Sverdlovsk, 90-103 (in Russian).
- Gafarova, A.S. (2006) Speech portrait: sociolinguistic characteristics. Tver (in Russian).
- Gordeeva, M.N. (2008) Speech portrait and ways of describing it. Lingvo-stylistic and linguodidactic problems of communication, 6, 89-101. Moscow (in Russian).
- Kapanadze, L.A. (1984) Modern urban vernacular and literary language. Urban vernacular. Learning problems, 5-12. Moscow (in Russian).
- Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (1995) Russian speech portrait. Phono-restomacy. Moscow (in Russian).
- Krysin, L.P. (1989) Sociolinguistic aspects of studying the modern Russian language. Moscow (in Russian).
- Мамаева, S.V. (2007) Speech portrait of the collective linguistic personality of schoolchildren in grades 5-7. Kemerovo (in Russian).
- Matveeva, G.G. (1993) Latent grammatical meanings and identification of a social person ("portrait") of the speaker. St. Petersburg (in Russian).
- Nikolaeva, T.M. (1991) "Sociolinguistic portrait" and methods of its description. Russian language and modernity. Problems and prospects for the development of Russian studies. Reports of the All-Union Scientific Conference, 2, 73-75. Moscow (in Russian).
- Panov, M.V. (1990) History of Russian literary pronunciation of the 18th-20th centuries. Moscow (in Russian).
- Parsamova, V.Ya. (2004) Linguistic personality of a scientist in epistolary texts (based on letters from Yu.M. Lotman). Saratov (in Russian).
- Paufoshima, R.F. (1989) On the pronunciation manner of A.A. Reformatsky. Language and personality. Moscow (in Russian).
- Sapogov, V.A. (1987) Everything that was painted was in the nine hundredth years". About Igor Severyanin, 31-33. Cherepovets (in Russian).
- Sedov K.F. (1996) Types of linguistic personalities and strategies of speech behavior (on the rhetoric of everyday conflict). Questions of stylistics. Language and man, 8-14. Saratov (in Russian).

- Sedov, K.F. (2004) Discourse and personality: the evolution of communicative competence. Moscow (in Russian).
- Solomina, E.V. (2013) On the features of the idiolexicon of the bearer of urban vernacular. Bulletin of the Tomsk State University, 374, 37-41 (in Russian).
- Tarasenko, T.P. (2007) Linguistic personality of a high school student in the aspect of its speech realizations (based on the data of an associative experiment and sociolect of schoolchildren in Krasnodar. Krasnodar (in Russian).
- Тура, В.И. (2011) Narrative strategy of the novel. New philological bulletin, 3, 9 (in Russian).
- Vinokur, T.G. (1989) Speech portrait of a modern person. Man in the system of sciences. Moscow, 504 (in Russian).
- Wool, S.M. (2007) Forensic authorship identification expertise: methodological foundations: Methodological manual. Kharkiv (in Russian).
- Zemskaya, E.A. (1990) Speech portrait of a child (On the question of the systematicity of uncoded spheres of oral speech), 241-260. Moscow (in Russian).

Citation:

Мурса И.Н. Речевой портрет личности как инструмент судебного автороведения. // Юрислингвистика. – 2020. – 18. – С. 16-20.

Mursa, I.N. (2020). Speech Portrait of Personality as a Tool of Forensic Authorship Attribution. Legal Linguistics, 18, 16-20.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
